

О.А. Глебов

Концепт понимания и его идеалистическая трактовка в теоретической философии В.В. Розанова

Глебов Олег Александрович – аспирант Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20; e-mail: matfandor@gmail.com

Статья посвящена рассмотрению ключевых положений раннего теоретического трактата В.В. Розанова «О понимании», являющегося образцом русского философского идеализма. Показывается, что работа Розанова, предвосхитившая некоторые идеи герменевтики и феноменологии в XX в., осталась малозамеченной в рамках отечественной философской традиции. Целью статьи является выявление основания розановского тезиса о том, что в первой идее разума потенциально заложено все знание в единстве. Автор анализирует следующие аспекты творчества Розанова, связанные с поставленной мыслителем проблемой понимания: мотив и цель написания трактата, тему врожденных идей, концепцию живости идей, теорию потенциального знания и ее субъект, цикличность процесса понимания, различие разума и ума, понимания и знания. Реконструируется также розановское толкование идеи разума, схемы разума, учения о числе. В работе делается вывод о том, что основополагающий тезис Розанова о заложенности всего знания в единстве первой идеи разума обосновывается первичностью положения идеи в таксономии познавательных актов, а также тем, что цель познавательного процесса подталкивает разум к самой себе.

Ключевые слова: русская философия, теория познания, проблема понимания, философия В.В. Розанова, проблема познаваемости внешнего мира, схемы разума, смысл, событие, предпонимание, потенциальность

Введение

Обыденному сознанию понятия «знание» и «понимание» представляются синонимичными. В рационалистической, эмпирической и классической немецкой теориях познания они рассматривались как корреляты, так как находились в контексте уразумения и указывали на рассудочную деятельность [Семенюк, 2008б, с. 55]. Симптоматично, что в XX в. одним из проявлений духовного и социального кризиса, по мнению русских и европейских философов, обсуждавших тему кризиса культуры, стало утилитарное, «потребительское» отношение к знанию [Сидорина, 2018]. Знание стало рассматриваться как товар, т.е. утратило свою самостоятельную

ценность и превратилось в информацию, измеряющуюся количественными критериями. Оппозицией этому подходу выступило, в частности, такое направление философии, как герменевтика, в рамках которого отвлеченному знанию противопоставлялось познание органическое. Крупнейшим представителем этого направления является Х.Г. Гадамер, основным открытием которого явилось учение о реабилитации предрассудков. По Гадамеру, исторически накопленные смыслы «окаменевают» в предрассудки современного сознания, лишая его понимания. Следствием этого является «омертвление» живости в мысли и традиции, как наследовании бытия. В предрассудках нет ничего негативного, но для их понимания и аутентичного следования необходимо реактуализировать заложенный в них смысл [Гадамер, 1988, с. 317–355].

Схожую позицию можно найти и в работах основоположников феноменологии. Согласно Э. Гуссерлю, смысл фиксируется понимающим рассудком в потоке сознания использованием редукции [Гуссерль, 2013, с. 235–245]. Интенциональное конституирование по отношению к действительно данному обладает чертами упрощения. Следовательно, конституирование является умалением первичного понимания. Таким образом, как герменевтическое, так и феноменологическое направление сходятся в том, что рефлексия по отношению к изначальному событию схватывания смысла утрачивает живую связь с данным в действительности. Следовательно, рефлексия не может считаться актом, удостоверяющим о происходящем в бытии. С точки зрения истории философии важно отметить: прежде чем Гуссерль приступил к написанию «Логических исследований», такой подход к проблеме понимания, характерный, скорее, для неклассического типа философии, был высказан В.В. Розановым в его трактате «О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки».

Трактат «О понимании» как экзистенциально-личностный опыт философии

Трактат молодого Розанова «О понимании» (1886), кропотливо писавшийся 5 лет 25-летним учителем провинциальных гимназий, оформленный без единой ссылки, не имеющий четкой опоры на какую-либо философскую школу, для современников Розанова, как справедливо отмечают исследователи, остался незамеченным [Серкова, 2013, с. 59]. Даже ближайшим товарищам Розанова – Н.Н. Страхову и Ф.Э. Шперку – потребовалось десятилетие, чтобы проникнуть в смысл текста, увидеть в нем значимое содержание. Причем, как указывает А.П. Семенюк, работу они трактовали с позиции немецкой классической философии, что затрудняло адекватное понимание основной интенции автора [Семенюк, 2005, с. 67]. Во многом именно ввиду негативных отзывов о его раннем трактате Розанов отказался от новых попыток в области теоретической философии и занялся публицистикой. По этому поводу он позже писал: «Встретить книга какой-нибудь привет, – я бы на всю жизнь остался “философом”. Но эта книга ничего не вызвала (она, однако, написана легко). Тогда я перешел к критике, публицистике: но все это было “не то”. То есть это не настоящее мое» [Розанов, 1990, с. 710].

Обстоятельства написания трактата, его биографический и интеллектуальный контекст представляются крайне важными для понимания как основных идей работы, так и его значения в творческой судьбе философа. Обратимся к вопросу мотивации, стоящей за написанием трактата. Зачем молодому учителю понадобилось в течение пяти лет методично реализовывать задуманное и писать трактат «с нуля», т.е. опираться не на какое-либо направление в философии и имеющиеся источники, а измышлять-из-себя? В этом контексте справедливо говорить, что трактат молодого

Розанова «О понимании» является очень личным произведением. Сам Розанов описывает этот период своей жизни следующими словами: «Мир для меня был не Космос (κόσμος – украшаю), а Безобразие, и, в отчаянные минуты, просто Дыра. Мне совершенно было непонятно, зачем все живут, и зачем я живу, что такое и зачем вообще жизнь? – такая проклятая, тупая и совершенно никому не нужная. Думать, думать и думать (философствовать, “О понимании”) – этого всегда хотелось, это “летело”: но что творится, в области действия или вообще “жизни”, – хаос, мучение и проклятие» [Розанов, 2010, с. 127].

Розанов говорит об ощущении хаоса, неупорядоченности жизни и мира, но что он имеет в виду? Несмотря на свою молодость Розанов к моменту написания трактата успел пережить немало психологических и моральных кризисов: кризис в личной жизни – у него появилась вторая, незаконная жена; интеллектуально-духовный кризис, вызванный юношеским увлечением нигилизмом; кризис нравственно-метафизический, который Розанов выражает концепцией «русской метафизической лени» (беспорядок и несвязность во внутреннем мире русского человека) [Семенов, 2005, с. 67–68]. Совокупность этих экзистенциально переживаемых кризисов ввергла Розанова в состояние глубокой депрессии, вызванной осознанием бессмысленности и раздробленности всего сущего, а потому для сознания Розанова и для его личного бытия необходимо было разумное усмотрение и устройство. Трактат «О понимании» – это импульсивная персональная попытка нащупать почву, найти основание, собрать свой внутренний мир воедино. Мотив, побудивший написать трактат, оказывается глубоко личным. Н.М. Мурадова замечает: «Реальные коллизии жизни В.В. Розанова породили его “интимную философию”; личная жизнь становится поводом для размышлений о глобальных философских вопросах» [Мурадова, 2012, с. 282]. Этот экзистенциально-персональный мотив отчасти объясняет «дилетантизм» Розанова и отсутствие теоретической базы.

Проблематика и философские идеи трактата

Рассмотрим цель написания трактата, которая исходит из вышеописанного мотива. Работа является реакцией Розанова на потерю целостности картины мира [Семенов, 2008а, с. 53]. Современный Розанову мир стал слишком сложным, ввиду специализации научных отраслей. Науки отпочковались от единого древа философии и тем самым стали порождать множество конфликтующих и взаимоисключающих друг друга описаний предмета и мира в целом [Фролов, 2013, с. 207]. Розанов писал: «Едва ли может подлежать сомнению, что если наши успехи в науке незначительны, то наше понимание ее природы, границ и целей ничтожно. Трудясь в отдельных областях знания, мы никогда не имели ни случая, ни необходимости задуматься над ним, как целым. Не мы устанавливали вопросы, на которые отвечали приобретаемые нами знания, и не мы находили им место в ряду других, ранее установленных знаний. В построении великого здания человеческой мысли мы были делателями, но мы не были зодчими» [Розанов, 2006, с. 5]. В восприятии Розанова фрагментарный и множественный характер описания мира нарушает связность и единство бытия, без которых невозможно понимание. Розанову был ближе идеал древней науки, «когда люди любили истину и искали ее, и о том, что находили – говорили друг другу» [Барабанов, 2002]. Поэтому Розанов начинает свой трактат с критического взгляда на науку, философию и на все современное ему мировоззрение, так как все опыты человеческого разума, его изыскания и открытия привели, по его мнению, к состоянию безразличия к человеку. В них нет заботы о человеке, они чуждо возвышаются над ним, вызывая у человека ощущение беспомощности и одиночества. Обращение Розанова к проблеме понимания является попыткой

найти и выявить новые основания единства мира как смыслового понятия и бытия как наличного. А.А. Грякалов так интерпретирует замысел книги: «Замысел книги “О понимании” состоял в том, чтобы “понять пределы науки через рассмотрение строения разума человеческого”. Особенностью было стремление разумно раскрыть потенцию науки, неотделимой от включенного в бытие человека» [Грякалов, 2017, с. 62]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что целью книги являлось описание и классифицирование наук и мышления в целом. А основным вопросом трактата стал вопрос о возможности понимания, без которого познание теряет свой смысл, а жизнь свое содержание.

Следует заметить, что проблема поиска цельности, единства, является одной из ключевых онто-гносеологических проблем в русской идеалистической философии [Жукова, 2017, с. 509; Жукова 2019, с. 18–20]. Так, предшественники Розанова – славянофилы (И.В. Киреевский и А.С. Хомяков) и В.С. Соловьев противопоставляли отвлеченному знанию, являющемуся предметом абстракции, знание «живое», представляющее собой подлинный опыт, религиозное переживание бытия – подлинную встречу с ним [Куликова, 2008, с. 57; Семенюк, 2008а, с. 54; Семенюк 2008б; Соловьев, 1988, с. 199]. Философские идеи В. Соловьева в построении системы Розанова занимают особое место. Очевидно, что обогащенная религиозными интуициями идеалистическая философия Соловьева вдохновляла Розанова при написании трактата. Заметно, что метафизическим горизонтом розановского трактата выступает концепция «цельного знания», на что справедливо указывает А.А. Грякалов [Грякалов, 2017, с. 77]. Итогом размышлений славянофилов и Соловьева является концепция единства смысловой реальности – «соборность». Таким образом, Розанов, проблематикой своего трактата оказывается вписанным в идейные рамки русской идеалистической философии, ее теоретико-методологический и религиозно-этический контекст [Засухина, 2000, с. 112].

С историко-философской точки зрения основой для розановской теории познания выступает идея, знакомая нам по трудам Платона, Аристотеля (важную роль сыграло его учение о потенциальном и актуальном, а также понятие «схема») и Лейбница, о существовании врожденных знаний. С философским наследием античных авторов Розанов был хорошо знаком. Известно, что вместе с П.Д. Первым он занимался переводом «Метафизики» Аристотеля. Платоновский идеализм, по утверждению Л.Я. Подвойского, имплицитно содержится в творчестве Розанова: он многократно рефлексировал о платоновских идеях в своих публицистических произведениях и собирался написать комментарии к диалогам «Пир» и «Федр» [Подвойский, 2013]. Розановская критика *tabula rasa* и теория потенциального знания имеют сходство с концепциями Лейбница, описанными в трактате «Новые опыты о человеческом понимании» (1704) [Семенюк, 2014, с. 118–119]. Об идеях Розанов пишет: «Возведение науки к чистому пониманию только проясняет это смутное сознание, и отрицание научности во всём, что не связано с пониманием, только оправдывает это влечение, столь глубоко коренящееся в человеческих инстинктах <...> Оно показывает, что в свободном и чистом проявлении этого инстинкта... и состоит всецело сущность науки» [Розанов, 2006, с. 28]. Следствием этого является утверждение о соприсущности телесно-эмпирической природы природе разума. А из этого следует, что внешний, эмпирический мир является как бы «стимулом», позволяющим проявляться изначальным потенциям разума, а не основным источником познания. Следует заметить, что вопросы о природе внешнего мира и источнике воздействия «стимула» на разум Розанов в трактате не освящает. Таким образом, внешний мир как «стимул» облекается в смысловую форму разума.

Для Розанова мир идей – это не отвлеченная абстракция, порожденная сознанием, а живая действительность, которая непосредственно переживается человеком. Мир идей проявляется в сознании, но не творится им [Там же, с. 430–436]. Сами

идеи являются живыми существами, имеющими как идеальную, так и реальную природу. Розанов пишет: идеи есть «нечто в одно и то же время и идеальное и реальное; идеи – это тела, по своей сущности духовные, по своей ясной определенности ясно ощутимые <...> идеи не представляют собою только состояния сознания, но суть некоторые самостоятельные существа, пребывающие в нем» [Розанов, 2006, с. 82].

Развивая свою систему, Розанов приходит к теории потенциального знания, согласно которой весь множественный мир воспроизводится человеком в каждом познавательном акте. Познающим началом в его системе выступает интерсубъективный, дорефлективный и допредикативный разум [Семенюк, 2014, с. 118]. Так происходит потому, что рефлексия является продуктом соприкосновения разума с «внешним миром» (чистым бытием, «внешним» сознанию), а это, по Розанову, означает, что разум не поддается определению. Именно эту неопределимую, бессубъектную разумность Розанов называет пониманием. Он пишет: «Разум есть потенция, в которой предустановлены формы понимания, материал для которого дается внешним миром, и обладающая скрытой жизненностью, состоящая в стремлении и в способности образовывать это понимание» [Розанов, 2006, с. 53]. Следует заметить, что такой тип мышления предполагает аффицированность разума сверхрациональными факторами, которые отсылают к абсолютному разумному началу – Богу. Розанов формулирует это следующим образом: «Когда я понимаю, я не имею отношения ни к людям, ни к жизни их; я стою перед одною моею природою и перед Творцом моим; и моя воля лежит в воле Его. В это время Его одного знаю и Ему одному повинуюсь; и всё, что становится между мною и между Творцом моим, восстаёт против меня и против Творца моего» [там же, с. 586].

Познавательный процесс, по Розанову, осуществляется не по традиционной для новоевропейской науки фигуре – линии, а по кругу, так как акты мышления связываются друг с другом через точку в центре окружности, к которой мышление имеет тяготение для выстраивания нового акта. Центром схем понимания является «потенция идеи чистого существования», которая понимается не как теоретическое допущение, но как особое чистое бытие (существование само по себе, вне зависимости от существующего). На ее основании строится способность понимать мир. Розанов отмечает: «Это есть центр, к которому сходятся все схемы понимания, воспринимающий на себя все первые впечатления внешнего мира и представляющий собою потенцию идеи чистого существования, простую и неразложимую, состоящую в чистой способности образовать эту идею» [там же, с. 36]. Понимание разворачивается на фоне постоянного наличия идеи чистого существования в разуме, и любой акт всегда возвращается к ней. А.П. Семенюк характеризует этот процесс так: «развертывание понимания заключается в предположении (предпонимании) и одновременном овозможнении этого предположения (полном понимании), происходящем в результате постоянного соотнесения возникающих догадок, первых проблесков смысла с набрасыванием смысла целого» [Семенюк, 2014, с. 119]. Таким образом, у Розанова появляется идея чистого существования, которая, подвергаясь влиянию схем разума, потенциально заложенных в нем, распадается на частные идеи.

Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса об идеях и схемах разума, нам необходимо выяснить, что такое разум и чем он отличается от ума, также нам необходимо выявить разницу между знанием и пониманием. Именно вокруг этих вопросов строится философская программа трактата Розанова.

Ключевые понятия трактата и их толкование: Разум, Ум, Знание, Понимание, Идеи разума, Числа

Розанов считает, что ум является практической способностью, позволяющей человеку ориентироваться в эмпирической действительности и приспосабливаться к ней. Ум связан с приземленным вещным миром, а потому постичь истину бытия через него не представляется возможным. Согласно Розанову, «Ум представляет собою что-то несамостоятельное, как бы приданное к другим способностям человека; и, подобно этим последним, он употребляется им как орудие для достижения различных целей. Он не имеет своих задач, и поэтому бездействует и ослабевает всегда, когда утихает внешняя деятельность, помогать которой есть его назначение; деятельное состояние его можно назвать состоянием “узнавания” и “обдумывания”» [Розанов, 2006, с. 24]. Разум у Розанова выступает противоположностью ума. Он отрешен от мирского, следовательно, позволяет осознать пределы знаний и возможностей и познать истину. Розанов пишет: «Разум представляет собою нечто замкнутое в себе и глубоко самостоятельное; не человек обладает им, но он живет в человеке, покоряя себе его волю и желания, но не покоряясь им. В самом себе носит он свою цель, и скорее заставляет человека забывать о всех нуждах и потребностях своих, нежели служит им. Внешняя деятельность болезненно подавляет его, и только в полном самоуединении и покое раскрывается он во всей силе и полноте своей» [там же, с. 24].

Знание и понимание у Розанова различаются по природе и происхождению. Знание выполняет функцию регистрации: фактов, событий, явлений. В дискурсивном поле знания не задается вопросов о причинах, предшествующих их существованию и единстве (взаимосвязанности и системности). У Розанова читаем: знание «отрывочно, бессвязно: оно не соединяет различных явлений в одно целое, неразрывно скрепленное внутреннею причинною связью» [там же, с. 13]. Стремление связать воедино, дать ответы на фундаментальные вопросы, выходящие за пределы фактологии, обозначает переход к области понимания. Как утверждает Розанов, «понимание цельно: оно понимает отдельные явления в их взаимной связи, понимает целое, части которого составляют эти явления, поэтому для знания всё случайно и необъяснимо; для понимания всё необходимо и понятно» [там же]. Знание достигается количественным накоплением, тогда как понимание является качественно иным уровнем познания. По мнению Розанова, «в развитии знания и понимания лежит резкое и глубокое различие: знание увеличивается через простое механическое прибавление одних знаний к другим, понимание совершенствуется, становясь глубже и полнее. Каждое приобретённое знание замкнуто в самом себе и не вызывает необходимо нового знания; всякое начавшееся понимание приобретает этот замкнутый характер только тогда, когда оно становится совершенным... Истины, в которых выражается знание, присоединяются друг к другу; но только в понимании они соединяются... Понимание есть стремление понять то, что уже известно как знание» [там же, с. 14].

Рассмотрим подробнее вопрос об идеях разума и их месте в концепции понимания Розанова. Разум, сталкиваясь с сущим, воспринимает его через идеи. Первой и центральной, по Розанову, является идея чистого бытия. Эта идея предшествует любому познавательному акту и другим идеям. А.А. Грякалов замечает: «... всегда есть бытийное предшествование мысли – неразложимый и нерастворимый далее слой, не вмещающийся, можно сказать – не поддающийся никакому диалектическому членению. Эта трансцендентная заданность везде присутствует как существенное» [Грякалов, 2016, с. 81]. Первое, что делает разум, – фиксирует наличие чего-то. Каким образом это происходит и на каком основании – вопросы, которые Розанов не рассматривает. А.П. Семенюк считает, что этот основополагающий этап в жизни

разума является «предпониманием», представляющим собой врожденную идею разума [Семенюк, 2005, с. 69]. Следующим этапом познавательной деятельности является «спрашивающее недоумение». Этому этапу соответствует вопрошание – «Что есть это существующее нечто?». Второй этап познавательной деятельности обусловлен стремлением разума образовать «идею о природе бытия». Он связан со строением разума и уже не имеет непосредственной связи с первичным «стимулом», как и последующие идеи. Третьим этапом является попытка образовать знание благодаря изучению природы вызвавшего впечатление. На этом этапе человек обращается к внешнему миру и использует процедуры для исследования. Можно описать механизм действия первых трех идей следующей цепочкой: 1) «Есть нечто» 2) «Что это нечто?» 3) «Какие свойства у этого нечто?». Эти три этапа позволяют определить вещь, которая завладела вниманием. Когда вещь определена, разум переходит к четвертой идее – поиску предшествующих вещей для того, чтобы найти вещи, сходные с изученной. Пятая идея посвящена поиску последующих вещей или цели изученной вещи. На этом этапе разум обращается не к существующему в действительности, а к потенциальному существованию. Шестая идея – идея сходства и различия – отличается от предшествующих. В ней нет никакой внутренней необходимости, и её происхождение лежит в свободной природе разума.

Характерна трактовка разума в этом контексте, которую дает Розанов: «...разум проявляет необыкновенно большое творчество, и творчество это зависит не столько от присущей разуму соответствующей схемы понимания, сколько от развития той общей жизненности и самостоятельности, которая пробудилась и укрепилась в нем во время образования предыдущих идей» [Розанов, 2006, с. 42]. На этом этапе разум конструирует истины, основываясь на уже познанном, руководствуясь абстракцией. Можно согласиться с трактовкой Н.Л. Варовой этого этапа действий разума. Как пишет исследовательница, «разум умозрительно отвлекает атрибуты вещей от них самих и начинает работать с ними как с самостоятельными сущностями, уничтожая тождественные и сохраняя различные из них. А потом заново налагает их на вещи. Вещи, атрибуты которых не слились в единое в мышлении, остаются различными. Вещи, атрибуты которых соединились в единое, мыслятся как сходные между собой. Разум открывает для себя множество вещей различных и сходных, и естественным образом возникает идея о сходстве и несходстве количеств» [Варова, 2017, с. 9]. Таким образом, последовательное прохождение данного в действительности оформляется через идеи разума в вещь и знание. Рассмотренные идеи в логической схеме Розанова описывают механизм приобретения знания и дают объяснение стремлению разума к знанию.

Немаловажной темой для понимания метафизики трактата является и учение об отношении чисел к разуму. По Розанову, очевидными для разума представляются три объекта: изучаемое (идея чистого бытия); вещь ее создавшая (предшествующая идея); вещь ею создаваемая (последующая идея). Для Розанова «три» – это первичное число, лежащее в основе счета. Он пишет: «три» «сперва бессознательно запечатлевается в разуме, а затем и сознательно выступает в нем, когда, как часть его, выделяется в сознании число два» [Розанов, 2006, с. 44]. «Два» – обнаруживается разумом в контексте отношения идей разума как причина (предшествующее) и следствие (последующее). В последнюю очередь разумом осознается «один» как число предметов, положившее начало процессу понимания (первая идея – идея чистого бытия). Дальнейшая рефлексия разума над идеей числа благодаря использованию абстракции (шестая идея о сходстве и различии) привела к тому, что началом исчисления стала единица. Число «три» для Розанова имеет особое метафизическое значение, так как в тройственности заключено единство: 1 – чистое бытие, 2 – предшествующая идея (причина) и 3 – последующая идея (следствие). Цифра 3 выражает единство вещи в различные моменты ее существования. И поскольку Розанов

говорит о идеях разума, то этот вывод относится ко всему сущему, которое сталкивается с разумом. Следовательно, «реальная вещь есть осуществленная потенция-причина и неосуществленная потенция-следствие» [Розанов, 2006, с. 45].

Идеи разума, в которых является бытие, в системе Розанова оформляются схемами разума, упорядочивающими в форме основных отношений явленное разуму (феномен). Розанов выделяет шесть схем: существование и сущность, сущность и атрибуты, причина и следствие, существование и цель, сходство и различие, количественные пропорции. Определение содержания соотношений, соответствующих схеме разума в вещи, приносит удовлетворение от увеличения знаний о предмете. Но следует заметить, что полученное представление, по Розанову, не будет являться истиной, так как чистое бытие, уложенное в идеи и схемы разума, обозначает лишь логическую завершенность круга познания. Характеристики отношений и состояние представленной вещи в дальнейшем обязательно изменятся, следовательно, начнется новый цикл в круговом движении познания. Процесс постановки вопросов и нахождения ответов на них – это содержание интеллектуальной деятельности. А потому его результатом являются системы, учения, методы, причем как научные, так и художественные.

Таким образом, Розанов в своем трактате описал полный цикл мышления, от столкновения разума с чистым бытием до оформления полноценных направлений в интеллектуальной (разумной) деятельности в науке и искусстве. Для ответа на наш основной вопрос – «каким образом и на каком основании в первой идее разума потенциально заложено все знание в единстве?» – вернемся к изначальной точке мышления, к первой идее – идее чистого существования. Несмотря на то, что на этом этапе мысль еще не развернулась, т.е. не прошла этапы укладывания чистого бытия в идеи и схемы разума, все возможные линии ее развития доступны изначальным образом. Поскольку чистое бытие запускает как процесс познания, так и понимание, из этого следует, что все знание и понимание предзадано им. Все, что можно понять и познать, все, что предстоит кропотливо изучать, уже содержится в первичном акте мышления в единстве (в предчувстве или предпонимании). Чистое бытие, данное в первичной интуиции, – «нечто есть», является единым, цельным и полным. Так происходит, поскольку познавательные процессы направлены на «последующее» (т.е. будущее), а интересующий предмет расположен в чистом бытии уложенным в совокупность идей и схем разума (настоящее); следовательно, цель познавательных актов подталкивает разум к самой себе, она налична как в начале познавательного акта, так и в конце, она вечна. Вечно то, что есть всегда, а это бытие. Отсюда следует, что все открывшееся и открывающееся есть припоминание. Розанов заключает: «Ранее чувственного опыта и со-прикосновения с миром в разуме человека лежат уже схемы идей, готовых обнять собою мир; и тот факт, что мир этот, существующий независимо от человеческого разума и ранее его, действительно вступает в эту схему идей, раз соприкосновение с ними произошло, невольно заставляет видеть и в разуме нечто космическое, и в космосе нечто разумное. Разум есть как бы мир, выраженный в символах, – мир есть как бы разум, выраженный в вещах; и только поэтому возможно познание мира разумом, возможно понимание, возникающее о мире в разуме, – возможен мир идей, отличных от этих соотносительных начал, не из них возникающий, но через их соприкосновение» [Там же, с. 56–57]. Таким образом, справедливо утверждать, что в розановской концепции проявляет себя платоновский идеализм, специфически преломленный сквозь призму идей нововременной философии в ее версии немецкого идеализма.

Заключение

Исходя из анализа основных идей трактата, предпринятой историко-философской реконструкции, мы можем видеть, что трактат непосредственно демонстрирует экзистенциально-мотивированное стремление Розанова дать свою трактовку современному состоянию наук и мышлению с целью создания стройной концепции понимания. Проблематика трактата позволяет поместить Розанова в контекст русского идеализма, поскольку стремление к целостному опыту познания, в случае Розанова устанавливаемое через процедуру различения понимания и знания, является типичным мотивом и ходом для данного направления отечественной мысли. Генетически учение Розанова произрастает из платонизма, лейбнизианства, философии славянофилов и В.С. Соловьева. Розановская теория понимания, которая сформулирована и предложена в данном трактате, опирается на врожденные знания, идеи, изначально заложенные в разуме. В этом смысле теорию понимания Розанова можно назвать теорией потенциального знания. Как можно понять Розанова, в каждом акте мышления разумом воспроизводится весь множественный мир.

В трактате Розанов различает такие понятия, как ум/разум и знание/понимание. Субъектом понимания является интерсубъективный разум, сталкивающийся с чистым бытием, являющимся у Розанова центром, с которым соотносятся все познавательные акты. Понимание осуществляется благодаря облечению/оформлению чистого бытия в идеи и схемы разума. Бытие, оформленное идеями и схемами разума, Розанов называет представлением. Представления цикличны, так как опираются на характеристики отношений и состояние вещей, которые являются динамичными.

Подробное рассмотрение познавательных актов, выявление их природы и механизмов приводит Розанова к утверждению о том, что содержание всего знания в единстве дано в первом познавательном акте (первой идее) – чистом бытии. Учение о первичности числа «три», содержащего в себе чистое бытие, предшествующее и последующее в единстве, по нашему мнению, наглядно иллюстрирует, что в предчувстве (первая идея разума) дано единство вещи в различные моменты ее существования в единстве. Познавательные процессы направлены в будущее, а интересующий предмет расположен в настоящем; следовательно, цель познавательных актов подталкивает разум к самой себе, она налична как в начале познавательного акта, так и в конце: все, что мы можем познать, налично в бытии и находится в единстве.

Подводя итог, выскажем важное для дальнейшего исследования предположение. Неудача Розанова – философа-теоретика – изменила стиль его высказывания, и в историю русской мысли он вошел как оригинальный эссеист и публицист. Однако теоретические основы трактата «О понимании» специфическим образом преломляются в его эстетике, историософии и религиозной метафизике. В своем раннем творчестве Розанов раскрыл проблему понимания с позиции допредикативного и дорефлексивного разума, оперирующего универсальными идеями и схемами. Следствием такой гносеологической установки является невольное исключение индивидуального, личностного, которое не получает своего бытийного статуса. В связи с этим Розанов в трактате приходит к позиции, утверждающей онтологическую и гносеологическую ценность бытия вообще. В зрелый и поздний период своего творчества, развивая эссеистический жанр философского дискурса, он пытается преодолеть этот универсализирующий схематизм и доказать ценность бытия индивидуального, неповторимого в своей привязанности к конкретным событиям жизни и мысли («Эмбрионы», «Уединенное», «Мимолетное», «Опавшие листья» и т.д.). В своем творчестве после трактата он показывает уникальность проявлений жизни в диалектике единичного и общего, по существу, продолжая развивать ранее высказанную идею понимания как первичной интуиции бытия.

Список литературы

- Барабанов, 2002 – *Барабанов Е.В.* В.В. Розанов // Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы «Вехи». URL: <http://www.vehi.net/tozanov/liik/barabanov.html> (дата обращения: 08.01.2021).
- Варова, 2017 – *Варова Н.Л.* Понимание в философии В.В. Розанова: от схем разума к образу феномена // Вестник Омского гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2017. № 4 (17). С. 8–12.
- Гадамер, 1988 – *Гадамер Х.Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики / Пер. с нем. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
- Грякалов, 2016 – *Грякалов А.А.* Понимание и неопределенность (опыт В.В. Розанова) // EINA1: Проблемы философии и теологии. 2016. Т. 5. № 1–2 (9–10). С. 80–106.
- Грякалов, 2017 – *Грякалов А.А.* Василий Розанов. СПб.: Наука, 2017. 287 с.
- Гуссерль, 2013 – *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию / Пер. с нем. Д.В. Кузницына. СПб.: Наука, 2013. 494 с.
- Жукова, 2017 – *Жукова О.А.* Философия русской культуры. Метафизическая перспектива человека и истории. М.: Согласие, 2017. 624 с.
- Жукова, 2019 – *Жукова О.А.* Опыт о русской культуре. Философия истории, литературы и искусства. М.: Согласие, 2019. 588 с.
- Засухина, 2000 – *Засухина В.Н.* Соборность как нравственный идеал в русской религиозной философии конца XIX – начала XX веков. Дисс. канд. фил. наук. СПб., 2000. 187 с.
- Куликова, 2008 – *Куликова О.Б.* Концепция субъекта познания в гносеологии Вл. Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2008. № 2. С. 56–68.
- Мурадова, 2012 – *Мурадова Н.М.* В.В. Розанов: Жизнетворчество как философский аргумент русской литературы // Научные ведомости Белградского гос. ун-та. Серия: Философия, Социология, Право. 2012. № 8 (127). С. 279–283.
- Подвойский, 2013 – *Подвойский Л.Я.* Философия Платона в «коробах» В.В. Розанова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 1. С. 180–189.
- Розанов, 1990 – *Розанов В.В.* О себе и жизни своей / Сост. и ред. В.Г. Сукача. М.: Московский рабочий, 1990. 876 с.
- Розанов, 2006 – *Розанов В.В.* О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М.: Ин-т философии, теологии и истории Святого Фомы, 2006. 640 с.
- Розанов, 2010 – *Розанов В.В.* Собр. соч. Листва / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. 591 с.
- Семенюк, 2005 – *Семенюк А.П.* Проблема понимания в философии В.В. Розанова // Вестник Томского гос. ун-та. 2005. № 287. С. 66–71.
- Семенюк, 2008а – *Семенюк А.П.* Проблема понимания в русской философии середины XIX – начала XX вв. // Вестник Томского гос. ун-та. 2008. № 308. С. 53–56.
- Семенюк, 2008б – *Семенюк А.П.* Соотношение понятий «Живое знание» и «Понимание» в гносеологических учениях русских философов XIX – начала XX вв. // Вестник Томского гос. ун-та. 2008. № 315. С. 55–58.
- Семенюк, 2014 – *Семенюк А.П.* Гносеологическая проблематика в трактате «О понимании» В.В. Розанова // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 4. С. 118–121.
- Серкова, 2013 – *Серкова В.А.* «О понимании» В.В. Розанова // Мысль: Журнал Петербургского филос. об-ва. 2013. Т. 14. С. 58–66.
- Сидорина, 2018 – *Сидорина Т.Ю.* Культурные трансформации XX столетия: кризис культуры в оценке западноевропейских и отечественных мыслителей. Монография. М.: Проспект, 2018. 384 с.
- Соловьёв, 1988 – *Соловьёв В.С.* Философские начала цельного знания // *Соловьёв В.С.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 139–288.
- Фролов, 2013 – *Фролов А.А.* Гносеологические основания стиля мышления В. Розанова // Историч., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. 2013. № 10 (36): ч. II. С. 205–210.

The Concept of Understanding and its Idealistic Interpretation in the Theoretical Philosophy of V.V. Rozanov

Oleg A. Glebov

School of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Humanities. National Research University "Higher School of Economics". 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation; e-mail: matfandor@gmail.com

The article is devoted to the analysis of the key provisions of Rozanov's early theoretical treatise "On Understanding", which is a model of Russian philosophical idealism. It shows that Rozanov's work, which anticipated some ideas of hermeneutics and phenomenology in the 20th century, remained unnoticed within the Russian philosophical tradition. The purpose of this article is to reveal the basis of Rozanov's thesis that the first idea of reason potentially contains all knowledge in unity. The author analyzes the following aspects of Rozanov's work related to the problem of understanding: the motive and purpose of writing a treatise, the theme of innate ideas, the concept of vivacity of ideas, the theory of potential knowledge and its subject, the cyclical process of understanding, the difference between mind and reason, understanding from knowledge. Rozanov's interpretation of the idea of reason, the scheme of reason, and the doctrine of number are also reconstructed. The paper concludes: the fundamental thesis of Rozanov about the embeddedness of all knowledge in the unity of the first idea of reason is justified by the primacy of the position of the idea in the taxonomy of cognitive acts. And also, by the fact that the purpose of the cognitive process pushes reason to itself.

Keywords: Russian philosophy, theory of cognition, problem of understanding, philosophy of V.V. Rozanov, the problem of cognizability of the external world, schemes of mind, meaning, event, preunderstanding, potentiality

References

- Barabanov E.V.V. Rozanov, *Biblioteka russkoi religiozno-filosofskoi i khudozhestvennoi literatury «Vekhi»*. Available at: <http://www.vehi.net/rozanov/lik/barabanov.html> (accessed 08.01.2021). (In Russian)
- Frolov A. Gnoseologicheskie osnovaniya stilya myshleniya V. Rozanova [The Epistemological Foundations of Rozanov's Style of Thinking], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i.uridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice], 2013, vol. 2, no. 10 (36), pp. 205–210. (In Russian)
- Gadamer H.-G. *Istina i metod: Osnovy filosofskoi germeneviki* [Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics], trans. by B. Bessonov. Moscow: Progress Publ., 1988. 704 p. (In Russian)
- Gryakalov A. Ponimanie i neopredelennost' (opyt V.V. Rozanova) [Understanding and Uncertainty (V.V. Rozanov's Experience)], *EINAI: Problemy filosofii i teologii* [EINAI: Problems of Philosophy and Theology], 2016, vol. 1, no. 1–2 (9–10), pp. 80–106. (In Russian)
- Gryakalov A. *Vasilii Rozanov*. St.-Petersburg: Nauka Publ., 2017. 287 p. (In Russian)
- Husserl E. *Krizis evropeiskikh nauk i transsendental'naya fenomenologiya: Vvedenie v fenomenologicheskuyu filosofiyu* [The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology: An Introduction to Phenomenological Philosophy], trans. by D. Kuznitsyna. St.-Petersburg: Nauka Publ., 2013. 494 p. (In Russian)
- Kulikova O. Kontseptsiya sub"ekta poznaniya v gnoseologii Vl. Solov'eva [The Concept of the Subject of Knowledge in Solovyov's Gnoseology], *Solov'evskie issledovaniya* [Soloviev Studies], 2008, no. 2, pp. 56–68. (In Russian)
- Muradova N.V.V. Rozanov: Zhiznetvorchestvo kak filosofskii argument russkoi literatury [Life-creativity as a Philosophical Argument in Russian Literature], *Nauchnye vedomosti Belgradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya, Sotsiologiya, Pravo* [Scientific Bulletin of the Belgrade State University], 2012, no. 8 (127), pp. 279–283. (In Russian)

Podvoiskii L. *Filosofiya Platona v "korobakh"* V.V. Rozanova [Plato's Philosophy in the "Boxes" of V.V. Rozanov], *Kaspiiski region: politika, ekonomika, kul'tura* [Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2013, no. 1, pp. 180–189. (In Russian)

Rozanov V. *O ponimanii. Opyt issledovaniya prirody, granits i vnutrennego stroeniya nauki kak tsel'nogo znaniya* [On Understanding. The Experience of Investigating the Nature, Boundaries, and Internal Structure of Science as Integral Knowledge]. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii Svyatogo Fomy Publ., 2006. 640 p. (In Russian)

Rozanov V. *O sebe i zhizni svoei* [About Myself and My Life]. Moscow: Moskovskii rabochii Publ., 1990. 876 p. (In Russian)

Rozanov V. *Sobranie sochinenii. Listva* [Selected Works. Leaves], ed. by A. Nikol'yukin. Moscow: Respublika Publ.; St.-Petersburg: Rostok Publ., 2010. 591 p. (In Russian)

Semenyuk A. Gnoseologicheskaya problematika v traktate "O ponimanii" V.V. Rozanova [Gnoseological Problems in the Treatise "On Understanding" by V.V. Rozanov], *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova* [Bulletin of the Kostroma State University], 2014, vol. 20, no. 4, pp. 118–121. (In Russian)

Semenyuk A. Problema ponimaniya v filosofii V.V. Rozanova [The Problem of Understanding in the Philosophy of V.V. Rozanov], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University], 2005, no. 287, pp. 66–71. (In Russian)

Semenyuk A. Problema ponimaniya v russkoi filosofii serediny XIX – nachala XX vv. [The Problem of Understanding in Russian Philosophy in the Mid-19th and Early 20th Centuries], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University], 2008, no. 308, pp. 53–56. (In Russian)

Semenyuk A. Sootnoshenie ponyatii "Zhivoe znanie" i "Ponimanie" v gnoseologicheskikh ucheniyakh russkikh filosofov XIX – nachala XX vv. [Correlation of the Concepts of "Living Knowledge" and "Understanding" in the Epistemological Doctrines of Russian Philosophers of the 19th – early 20th centuries], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University], 2008, no. 315, pp. 55–58. (In Russian)

Serkova V. "O ponimanii" V.V. Rozanova ["On Understanding" by V.V. Rozanov], *Mysl': Zhurnal Peterburgskogo filosofskogo obshchestva* [Idea: the Journal of the St. Petersburg Philosophical Society], 2013, vol. 14, pp. 58–66. (In Russian)

Sidorina T. *Kul'turnye transformatsii dvadtsatogo stoletiya: krizis kul'tury v otsenke zapadno-evropeiskikh i otechestvennykh myslitelei. Monografiya.* [Cultural Transformations of the Twentieth Century: Cultural Crisis as Evaluated by Western European and Domestic Thinkers]. Moscow: Prospekt Publ., 2018. 384 p. (In Russian)

Solov'ev V. *Filosofskie nachala tsel'nogo znaniya* [Philosophical Foundations of Whole Knowledge]. In: *Solov'ev V.S. Sochineniya: v 2 t.* [Solov'ev V.S. Essays in two vol.], vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., 1988, pp. 139–288. (In Russian)

Varova N. *Ponimanie v filosofii V.V. Rozanova: ot skhem razuma k obrazu fenomena* [Understanding in the Philosophy of V.V. Rozanov: from Schemes of Mind to the Image of the Phenomenon], *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Bulletin of the Omsk State Pedagogical University. Humanities Research], 2017, no. 4 (17), pp. 8–12. (In Russian)

Zasukhina V. *Sobornost' kak npravstvennyi ideal v russkoi religioznoi filosofii kontsa XIX – nachala XX vekov* [Sobornost as a Moral Ideal in Russian Religious Philosophy of the late 19th and early 20th Centuries]. St.-Petersburg: Ph.D. thesis in Philosophy, 2000. 187 p. (In Russian)

Zhukova O. *Opyt o russkoi kul'ture. Filosofiya istorii, literatury i iskusstva* [Experience of Russian Culture. Philosophy of History, Literature and Art]. Moscow: Soglasiye Publ., 2019. 588 p. (In Russian)

Zhukova O. *Filosofiya russkoi kul'tury. Metafizicheskaya perspektiva cheloveka i istorii* [Philosophy of Russian Culture. Metaphysical Perspective of Man and History]. Moscow: Soglasiye Publ., 2017. 624 p. (In Russian)